

При всем при том
При всем при том
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Великолепное хладнокровие и жизнерадостное мужество, с которыми народ в борьбе за справедливое дело встречает смертельную опасность, и которые так прекрасно выражены в песне о мятежнике Макферсоне, Маршак умеет передать такими же простыми словами:

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча:
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

Прости, мой край! Весь мир прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть.

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселище он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

А как талантливо, с каким изяществом передана Маршаком лукавая и прелестная песенка Бэрнса о девчонке Дженни:

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымогла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь.
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь,

И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!

Только ограниченные рамки нашей рецензии не позволяют нам целиком выписать некоторые из народных баллад, и в первую очередь балладу «Мельник», отрывок из которой переведен Пушкиным (в «Сценах из рыцарских времен»). Впрочем, выбирать в этой книжке трудно, так как все стихи в ней прекрасны и, за редкими исключениями, прекрасны все переводы. А яркая индивидуальность переводчика придает всей книжке цельность и единство, несмотря на разнородность включенных в нее авторов.

Мы уверены, что «Английские баллады и песни» в переводах Маршака станут настольной книжкой советского читателя — в первую очередь, как выдающиеся произведения русской поэзии, а равно и как источник знакомства с прекрасной поэзией великого народа, населяющего британские острова, о котором так верно и так чудесно сказал тот же Бэрнс:

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины.
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень.

Н О Р А Г А Л Ь

Образы французских патриотов

Эмиль Золя — прямой и неподкупный свидетель истории Франции на протяжении нескольких десятилетий. Мужественным вмешательством в дело Дрейфуса он дал незабываемый пример того, как человек искусства должен отстаивать истину, бороться за свои убеждения: Золя старается не выступать вперед и предоставляет материалу сказать: «Я свидетельствую!» — но правда самого материала, то главное, что выхвачено из жизни рукой правдивого и честного художника, нередко нарушает внешнюю бесстрастность повествования, — и книга тогда говорит: «Я обвиняю!»

Повесть «Осада мельницы»¹ — не только свидетельство, но и обвинение. Казалось, ничто не могло нарушить спокойного достоинства деревенского мэра дядюшки Мерлье, владельца старой мельницы, ни глубокой и спокойной любви, связывающей юную Франсуазу с красавцем Домиником. Дядюшка Мерлье готовился выдать дочку за Доминика.

Но выходит иначе: накануне свадьбы в мирной долине появляются пруссаки.

Французский арьергард, отступающий

¹ Золя Эмиль. «Осада мельницы». Перевод с французского Е. Густа. Гослитиздат, 1941, 58 стр.

перед натиском врага, с утра занимает мельницу: в этой нехитрой, но прочной деревянной крепости горсточка смельчаков должна продержаться до вечера, чтобы не дать противнику напасть на отходящие французские части. Пруссаки начинают осаду.

Обитатели мельницы сначала не принимают никакого участия в битве. Дядюшка Мерлье молчаливо, хотя и со сжавшимся сердцем, смотрит, как под прусскими залпами разлетаются в щепы то бревенчатый угол стены, то часть мельничного колеса. Доминик успокаивает испуганную Франсуазу. Он не солдат, он просто мирный деревенский житель, и ему долго не приходится в голову взяться за свое охотничье ружье и помочь защитникам мельницы. И лишь когда случайная пуля рикошетом слегка ранит его невесту, неповоротливый деревенский парень почувствовал, что битва касается и его. «...с этой минуты... он заряжал, стрелял, не обращая внимания на окружающее; только время от времени он бросал беглый взгляд на Франсуазу. Он, однако, не торопился и тщательно прицеливался... Командир... похвалил юношу, сказав, что был бы счастлив иметь побольше таких метких стрелков. Доминик не слышал его. Одна пуля задела ему плечо, другая контузила руку. А он все стрелял».

В этом гневном самозабвении Доминик не заметил, как было убито большинство французов, а уцелевшие, выполнив свою задачу, — задержать противника до вечера, — покинули мельницу. И ворвавшиеся пруссаки схватили его, когда он еще стрелял, помня лишь о том, что должен защищать Франсуазу.

Налетчик и громила, врывающийся в чужой дом, чтобы жечь и грабить добро мирных жителей и заливать кровью землю, оплодотворенную их мирным трудом, знает: самое страшное для него настает тогда, когда эти мирные люди, в свою очередь, возьмутся за оружие, чтобы отстаивать свой дом и свою свободу от наглых захватчиков.

«Германский главный штаб, — пишет Золя, — издал распоряжение: расстреливать всякого француза, не входящего в состав регулярной армии, но захваченного с оружием в руках». Это относилось даже к ротам добровольцев, которых Пруссия не признавала солдатами. Совершая такую жестокую расправу с крестьянами, защищавшими свои очаги, немцы хотели этим примером воспрепятствовать тому, чтобы за оружие взялись широкие слои населения, чего они опасались.

Доминику грозит немедленный расстрел. Прусский офицер обещает ему жизнь, если он предаст своих, показав пруссакам дорогу через лес. Доминик отказывается. Тогда в ход пускается психологическая пытка: солдаты выстраиваются для расстрела, затем казнь на время откладывается. Ночью юноше удается бежать. Тогда на глазах перепуганной дочери под прицел дюжины ружей выводят дядюшку Мерлье. Пытка повторяется в еще более изощренной форме. Офицер ставит обезумевшую от отчаяния девушку перед

выбором: либо она разыщет и предаст в руки пруссаков возлюбленного и тем спасет жизнь отцу, либо, помогая Доминику ускользнуть, сама обречет на расстрел старика. Но узнав о том, что происходит на мельнице, Доминик возвращается. «Убейте меня и кончим на этом», — спокойно говорит он офицеру.

Несколькими скупыми фразами Золя рисует драму этих людей, передает всю глубину благородного патриотического чувства, которое подымается в сердцах обоих крестьян и заставляет Доминика гордо и смело смотреть в глаза смерти.

«Франсуаза, сложив руки, издали умоляла его. Она позабыла все, она готова была толкнуть его на низость. Но дядюшка Мерлье схватил ее за руки, чтобы пруссаки не видели поведения этой обезумевшей женщины. «Он прав, — прошептал он, — лучше умереть».

И Доминика расстреливают перед тем, как вернувшиеся французы снова овладевают мельницей.

Кто посвящает на жизнь и честь народа, тот неизбежно встретится со справедливым народным гневом и с мужеством людей, предпочитающих умереть, но не покориться врагу.

Гитлеровские вояки далеко превзошли своих предков по части издевательств над мирным населением. В бредовой погоне за мировым владычеством, неся с собой смерть и разрушение, они грабят, унижают, подвергают неслыханным моральным и физическим пыткам целые народы.

Но народы отвечают немецким фашистам так, как ответил пруссакам Доминик в повести Золя. Миллионы крестьян берутся за ружье, защищая свои очаги от гитлеровских захватчиков. Люди бросают родные дома и уходят в партизанские отряды. Они чувствуют, как чувствовали незлобивые обитатели старой мельницы у Золя: лучше умереть, чем покориться насилию, лучше умереть, чем предать родину, лучше — по словам отважной испанской женщины, страстно прозвучавшим на весь мир, — умереть стоя, чем жить на коленях!

Животный страх испытывают фашистские бандиты, видя, как окружает их, настигает везде и всюду, днем и ночью грозное море всенародного гнева. Животной злобой, чудовищным террором пытаются они подавить это сопротивление, остановиться неминуемо, неумолимо надвигающийся час расплаты. Но все, что они уже испытали от ненависти французов, чехов, поляков, норвежцев, голландцев, — только начало.

Сопротивление поработенных народов Европы фашизму растет и будет расти с каждым днем, с каждым часом. Теперь, когда обезумевшие гитлеровцы осмелились напасть на Советский Союз, они познакомились с мощью такого отпора, какой никогда не снился им в их воинственном бреду. Не знающая страха Красная Армия встречает их на фронтах. Не знающий страха народ борется с ними в тылу на каждой пяди земли, которую им

удаётся на время захватить. Сама земля у них загорается под ногами всюду, где бы они ни ступили. И живи сегодня Эмиль Золя, он приветствовал бы мужество и благородство народов, отстаивающих свой

дом, свою честь и свободу, и предсказал бы кровавым гитлеровским бандитам близкое возмездие, поражение столь полнее и столь страшное, какого еще не знала человеческая история.

Е. Ф Е Д О Р О В А

Р о м а н о б о р ь б е ч е ш с к о г о н а р о д а

Роман «Псоглавцы»¹ выдающегося чешского писателя Алоиза Ирасека рассказывает об одном эпизоде из истории борьбы чешского народа против австро-немецкого ига.

Его герои — «ходы» — крестьяне селений, расположенных на чешско-немецкой границе.

Ходы, суровые и воинственные, несли трудную и ответственную службу своей стране, своему народу. С начала XIII века и до начала XVII века, то есть в течение четырехсот лет, они первые сдерживали напор немецких хищников, прочесывали родные села, истребляя проникших туда немецких разведчиков, порубщиков, браконьеров, принимали на себя первый удар врага во время войн между Чехией и Австрией. За великие эти заслуги ходы пользовались в чешском королевстве и великими привилегиями. Ходы имели своих судей и старост, не платили обычной подати, никогда не знали крепостной зависимости. Более того, ни один дворянин не имел права селиться в ходском краю или покупать там землю. Ходы, свободные крестьяне-землевладельцы, — подобие гордых и вольнолюбивых английских йоменов, — были подчинены одному королю. И чешские короли неоднократно подтверждали грамотами за своей печатью все привилегии своих воинственных подданных, потому что в нужный час ходское знамя с изображением песьей головы поднималось на рубежах королевства на страх австро-немецким хищникам. После Белогорской битвы (1620 г.), подчинившей чешское королевство австрийскому влиянию, для ходов кончились счастливые дни.

Волею австрийского императора ходы, никогда не знавшие рабства, были проданы в крепостную зависимость австрийскому вельможе Ламмингеру барону фон Альбенройт. Гордые и вольнолюбивые чешские крестьяне не смирились и не склонились под игом врага, чужеземного захватчика. Они продолжали отстаивать свои древние вольности, свои исконные права, самое существование которых отрицали австрийские бароны.

Тяжба ходов против творимого немцами насилия и беззакония тянулась свыше сорока лет и закончилась, разумеется, не в их пользу. Военский суд отверг все

притязания чешских крестьян, привилегии их были объявлены аннулированными, и ходам под угрозой суровой кары было предписано хранить вечное молчание о всех делах, связанных с их былым положением.

Над ходским краем нависло молчание. Но особенно долгим оно не было. Слишком крепка была в народе память о свободной жизни, слишком сильна была в нем ненависть к иноземным поработителям. Ходы нарушили молчание, и об этом рассказывает роман «Псоглавцы».

Если ход-крестьянин, свободный земледелец, общающийся с королем через голову дворянства и всего аппарата королевской власти, как мы уже говорили, во многом напоминает английского йомена, то методы борьбы ходов и йоменов сильно отличаются. Йомен боролся с шерифом и со всем аппаратом феодального угнетения, уходя в Шервудский лес, становясь в ряды зеленокафтанников Робина Гуда, натягивая тугой лук вольного стрелка. Ходы борются против насилия и бесправия, оставаясь в пределах легальности, апеллируя к императорскому суду, ведя длинную и сложную тяжбу со всеми угнетателями.

Правда, борьба ходов протекает в совершенно другой исторической обстановке и в гораздо более позднее время (конец XVII века), но все-таки в них сильна вера в законность, в отвлеченную справедливость, носителем которой должен быть каждый суд, вне зависимости от того, кто его творит.

Борьбу за свои вольности, за свою национальную независимость герои романа «Псоглавцы» понимают и ведут по-разному. Старики — судья Кристоф Грубый, Сыка и молодой крестьянин Козина отдают все силы на то, чтобы борьба эта осталась в пределах легальности. Они всячески стараются предотвратить открытое столкновение чешских крестьян с иноземными угнетателями, добиться справедливости перед имперским судом. Однако жизнь постоянно убивает их иллюзии. Барон Ламмингер захватил не только землю ходов, где он распоряжается как низкий и жадный тиран. Тугой кошелек австрийца покупает и судей. Закон становится на сторону того, кто больше даст. После долгой, разорительной для ходов тяжбы дело их оказывается проигранным, древние грамоты чешских королей, утверждающие права ходов, уничтожаются у них на глазах; хо-

¹ Алоиз Ирасек. «Псоглавцы». К выходу книги в Гослитиздате.